

МАРТ

1 неделя – «Международный женский день»

«Мама» Ю.Яковлев

Мама.

Закрой глаза, прислушайся. И ты услышишь мамин голос. Он живёт в самом тебе такой знакомый, родной. Его не спутаешь ни с одним другим голосом. Даже когда станешь взрослым, всегда будешь помнить мамин голос, мамины глаза, мамины руки.

Мама.

Ты ещё не умел говорить, а мама понимала тебя без слов. Угадывала, что ты хочешь, что у тебя болит. Когда ты ещё не умел ходить, мама носила тебя на руках. А потом мама научила тебя говорить, ходить...

Мама прочла первую книжку. Мама учila тебя видеть и открывать мир.

От мамы ты узнал название птиц – воробей, ласточка, синица. Узнал, что у каждого цветка есть тоже своё имя – ромашка, василёк, иван-да-марья.

Мама принесла домой сухую веточку и поставила её в воду. И вскоре веточка – сухая, безжизненная веточка – зазеленела. А потом на ней появились светло – лиловые цветы. Вся веточка покрылась цветами.

Что это? – удивлённо спросил ты.

И мама ответила: – Багульник.

На улице шёл снег. Мама протянула руку и поймала снежинку. На шерстяной варежке снежинка не таяла. Ты посмотрел и снова увидел чудо. Ты думал, что снежинка – это крохотный пушистый комочек, а она оказалась красивой, ровной звёздочкой. Ты наклонился, чтобы лучше рассмотреть белую звёздочку, дохнул на неё – и звёздочка исчезла. На варежке осталась капелька воды. Первую снежинку помогла тебе увидеть мама.

Мама всегда рядом с тобой. И всё, что ты видел, всё, что окружало тебя, как бы начиналось с мамы. Каждый день твоего и моего детства связан с мамой. Озабоченная и радостная, спокойная и печальная, она всегда рядом.

Моя мама погибла во время блокады Ленинграда, летом 1942 года. Последний раз я её видел, когда она провожала меня в армию. Мне тогда было восемнадцать лет. Это трудно было понять, что мамы нет больше.

Но любовь к матери проходит у нормального человека через всю жизнь. И моя мама до сих пор живёт в моём сердце, словно мама жива, только она где-то далеко, так далеко, что письма не доходят. Но она всегда есть. Я слышу её голос.

Помни, что нет большего горя на свете, чем потерять родную мать. Не причиняй ей страданий. Береги её, как можешь.

С чего начинается Родина? Я задаю себе этот вопрос и сам отвечаю на него: Родина для каждого из нас начинается с мамы.

«Мамина работа» Евгений Пермяк

Петина мама была штукатуром. Она штукатурила дома. Давно хотелось Пете посмотреть, как это делается, да все не удавалось.

Как-то раз мама сказала Пете:

— Выходи, сынок, завтра на балкон.
Увидишь, как мы наш старый дом будем в новое платье одевать.

Не понял Петя, как это можно дом в платье одеть, но спрашивать не стал. «Сам увижу», — решил он про себя.

Утром выбежал Петя на балкон.
Смотрит, рядом еще один балкон появился. Да не простой, а висячий.
Хочешь — подымешь его, хочешь —

опустишь.

А на висячем балконе стоит мама с какой-то девушкой.

«Это, наверное, мамина помощница», — подумал Петя.

Возле помощницы стояло большое дощатое корыто с серым тестом. Девушка брала это тесто маленькой лопаточкой и набрасывала на стену дома. А Петина мать разглаживала его ровным-ровнешенько. Долго смотрел Петя на мамины работы, пока не увидел, что серое тесто на стене стало твердым и белым.

Понял теперь Петя, как дом в платья одеваются. Захотелось ему скорее вырасти, чтобы самому научиться наряжать дома в красивую одежду.

Хорошая это работа. Нужная.

«Все она» Иван Косяков

Кто вас, дети очень любит,
Кто вас нежно так голубит
И заботится о вас,
Не смыкая ночью глаз?
Мама дорогая!

Колыбель кто вам качает,
Кто вам песни напевает,
Кто вам сказки говорит
И игрушки вам дарит?
Мама золотая!

Если, дети, вы ленивы,
Непослушны, шаловливы,
Что бывает иногда, –
Кто же слезы льет тогда?
Всё она, родная!

«Посидим в тишине» Елена Благинина

Мама спит, она устала...
Ну и я играть не стала!
Я волчка не завожу,
А уселась и сижу.

Не шумят мои игрушки,
Тихо в комнате пустой.
А по маминой подушке
Луч крадется золотой.

И сказала я лучу:
– Я тоже двигаться хочу!
Я бы многоного хотела:
Вслух читать и мяч катать,
Я бы песенку пропела,
Я б могла похоротать,
Да мало ль я чего хочу!
Но мама спит, и я молчу.

Луч метнулся по стене,
А потом скользнул ко мне.
– Ничего, – шепнул он будто, –
Посидим и в тишине!.

«А что у вас?» Михалков Сергей Владимирович

Кто на лавочке сидел,
Кто на улицу глядел,
Толя пел,
Борис молчал,
Николай ногой качал.

Дело было вечером,
Делать было нечего.

Галка села на заборе,
Кот забрался на чердак.
Тут сказал ребятам Боря
Просто так:

– А у меня в кармане гвоздь.
А у вас?
– А у нас сегодня гость.
А у вас?

– А у нас сегодня кошка
Родила вчера котят.
Котята выросли немножко,
А есть из блюдца не хотят.

– А у нас на кухне газ.
А у вас?
– А у нас водопровод.
Вот.

– А из нашего окна
Площадь Красная видна.
А из вашего окошка
Только улица немножко.

– Мы гуляли по Неглинной,
Заходили на бульвар,
Нам купили синий-синий,
Презелёный красный шар.

– А у нас огонь погас –
Это раз.
Грузовик привёз дрова –
Это два.
А в-четвёртых, наша мама
Отправляется в полёт,

Потому что наша мама
Называется пилот.

С лесенки ответил Вова:
– Мама – лётчик?
Что ж такого!

Вот у Коли, например,
Мама – милиционер.
А у Толи и у Веры
Обе мамы – инженеры.

А у Лёвы мама – повар.
Мама – лётчик?
Что ж такого!

– Всех важней, – сказала Ната, –
Мама вагоновожатый,
Потому что до Зацепы
Водит мама два прицепа.

И спросила Нина тихо:
– Разве плохо быть портнихой?
Кто трусы ребятам шьёт?
Ну конечно, не пилот.

Лётчик водит самолёты –
Это очень хорошо.
Повар делает компоты –
Это тоже хорошо.

Доктор лечит нас от кори,
Есть учительница в школе.

Мамы разные нужны,
Мамы всякие важны.

Дело было вечером,
Спорить было нечего.

2 неделя

«В гости к нам спешит весна»

«Ворон» А. Блок

Вот ворона на крыше покатой
Так с зимы и осталась лохматой...

А уж в воздухе — вешние звоны,
Даже дух занялся у вороны...

Вдруг запрыгала вбок глупым скоком,
Вниз на землю глядит она боком:
Что белеет под нежною травкой?

Вон желтеют под серою лавкой
Прошлогодние мокрые стружки...

Это всё у вороны — игрушки,
И уж так-то ворона довольна,
Что весна, и дышать ей привольно!..

«Весенние воды» Федор Тютчев

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет,
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!

Весна идет, весна идет,
И тихих, теплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!..»

«Мать-и-мачеха» Валентин Берестов

Этот яркий желтый цветок на светлом мохнатом стебельке появляется весной вместе с подснежниками. Он так торопится, что не успевает выпустить листья. Он даже не знает, какие они.

А цветет он там, где земля потревожена, изранена, обнажена. Цветет на откосах. Цветет на покрытых углем и шлаком насыпях. Цветет около ям и в самих ямах. Весело желтеет на грудах выброшенной земли.

— Мать-и-мачеха расцвела! Мать-и-мачеха расцвела! — радуются люди.

— Кого они так называют? — удивляется цветок. — Наверное, землю, на которой я расту. Для меня-то она мать, а для других цветов пока еще мачеха.

Но вот проходит время цветов, и наступает пора больших зеленых листьев. С изнанки они мягкие, светлые, бархатистые: потрешь о щеку — и станет тепло.

— Это мать, — говорят люди.

Зато снаружи листья твердые, скользкие; приложишь к щеке — почувствуешь холод.

— А это мачеха, — объясняют люди.

Но листьям мать-и-мачехи все равно, как их называют. У них слишком много забот. Как крепкие зеленые щиты, спешат они прикрыть, заслонить собой землю, и своей изнанкой, своей теплой, материнской стороной они прижимаются к земле и шепчут ей:

— Мы с тобой, земля. Ты снова зеленеешь.

«Ласточка» Ушинский К.Д.

Мальчик осенью хотел разорить прилепленное под крышей гнездо ласточки, в котором хозяев уже не было: почувствовав приближение холодов, они улетели.

— Не разоряй гнезда, — сказал мальчику отец, — весной ласточка опять прилетит, и ей будет приятно найти свой прежний домик.

Мальчик послушался отца.

Прошла зима, и в конце апреля пара острокрылых, красивеньких птичек, весёлых, щебечущих, прилетела и стала носиться вокруг старого гнёздышка.

Работа закипела; ласточки таскали в носиках глину и ил из ближнего ручья, и скоро гнёздышко, немного попортившееся за зиму, было отделано заново. Потом ласточки стали таскать в гнездо то пух, то пёрышко, то стебелёк моха.

Прошло ещё несколько дней, и мальчик заметил, что уже только одна ласточка вылетает из гнезда, а другая остаётся в нём постоянно.

«Видно, она наносила яичек и сидит теперь на них», — подумал мальчик.

В самом деле, недели через три из гнезда стали выглядывать крошечные головки. Как рад был теперь мальчик, что не разорил гнёздышка!

Сидя на крылечке, он по целым часам смотрел, как заботливые птички носились по воздуху и ловили мух, комаров и мошек. Как быстро сновали они взад и вперёд, как неутомимо добывали пищу своим деткам!

Мальчик дивился, как это ласточки не устают летать целый день, не приседая почти ни на одну минуту, и выразил своё удивление отцу. Отец достал чучело ласточки и показал сыну:

— Посмотри, какие у ласточки длинные, большие крылья и хвост в сравнении с маленьким, лёгким туловищем и такими крошечными ножками, что ей почти не на чем сидеть; вот почему она может летать так быстро и долго. Если бы ласточка умела говорить, то такие бы диковинки рассказала она тебе — о южно-русских степях, о крымских горах, покрытых виноградом, о бурном Чёрном море, которое ей нужно было пролететь, не присевши ни разу, о Малой Азии, где всё цвело и зеленело, когда у нас выпадал уже снег, о голубом Средиземном море, где пришлось ей раз или два отдохнуть на островах, об Африке, где она вила себе гнёздышко и ловила мошек, когда у нас стояли крещенские морозы.

— Я не думал, что ласточки улетают так далеко, — сказал мальчик.

— Да и не одни ласточки, — продолжал отец, — жаворонки, перепела, дрозды, кукушки, дикие утки, гуси и множество других птиц, которых называют перелётными, также улетают от нас на зиму в тёплые страны. Для одних довольно и такого тепла, какое бывает зимою в южной Германии и Франции, другим нужно перелететь высокие снежные горы, чтобы приютиться на зиму в цветущих лимонных и померанцевых рощах Италии и Греции; третьим надобно лететь ещё дальше, перелететь всё Средиземное море.

— Отчего же они не остаются в тёплых странах целый год, — спросил мальчик, — если там так хорошо?

— Видно, им недостаёт корма для детей или, может быть, уж слишком жарко. Но ты вот чему подивись: как ласточки, пролетая тысячи четыре вёрст, находят дорогу в тот самый дом, где у них построено гнездо?

3 неделя

«В мире музыки и поэзии»

«Цветик-семицветик» Катаев Валентин Петрович

Жила девочка Женя. Однажды послала её мама в магазин за баранками. Купила Женя семь баранок: две баранки с тмином для папы, две баранки с маком для мамы, две баранки с сахаром для себя и одну маленькую розовую баранку для братика Павлика.

Взяла Женя связку баранок и отправилась домой. Идет, по сторонам зевает, вывески читает, ворон считает. А тем временем сзади пристала незнакомая собака, да все баранки одну за другой и съела.

Сначала съела папины с тмином, потом мамины с маком, потом Женины с сахаром. Почувствовала Женя, что баранки стали что-то чересчур легкие. Обернулась, да уж поздно. Мочалка болтается пустая, а собака последнюю, розовую Павликова бараночку доедает, и счастливо облизывается.

— Ах, вредная собака! — закричала Женя и бросилась ее догонять.

Бежала, бежала, собаку не догнала, только сама заблудилась. Видит — место совсем незнакомое, больших домов нет, а стоят маленькие домики. Испугалась Женя и заплакала.

Вдруг откуда ни возьмись — старушка.

— Девочка, девочка, почему ты плачешь?

Женя старушке все и рассказала.

Пожалела старушка Женю, привела ее в свой садик и говорит:

— Ничего, не плачь, я тебе помогу. Правда, баранок у меня нет и денег тоже нет, но зато растет у меня в садике один цветок, называется — цветик-семицветик, он все может. Ты, я знаю, девочка хорошая, хоть и любишь зевать по сторонам. Я тебе подарю цветик-семицветик, он все устроит.

С этими словами старушка сорвала с грядки и подала девочке Жене очень красивый цветок вроде ромашки. У него было семь прозрачных лепестков, каждый другого цвета: желтый, красный, зеленый, синий, оранжевый, фиолетовый и голубой.

— Этот цветик, — сказала старушка, — не простой. Он может исполнить все, что ты захочешь. Для этого надо только оторвать один из лепестков, бросить его и сказать:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы сделалось то-то или то-то. И это тотчас сделается.

Женя вежливо поблагодарила старушку, вышла за калитку и тут только вспомнила, что не знает дороги домой. Она захотела вернуться в садик и попросить старушку, чтобы та проводила ее до ближнего милиционера, но ни садика, ни старушки как не бывало.

Что делать? Женя уже собиралась по своему обыкновению заплакать, даже нос наморщила, как гармошку, да вдруг вспомнила про заветный цветок.

— А ну-ка, посмотрим, что это за цветик-семицветик!

Женя поскорее оторвала желтый лепесток, кинула его и сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы я была дома с баранками!

Не успела она это сказать, как в тот же миг очутилась дома, а в руках — связка баранок!

Женя отдала маме баранки, а сама про себя думает: «Это и вправду замечательный цветок, его непременно надо поставить в самую красивую вазочку!»

Женя была совсем небольшая девочка, поэтому она влезла на стул и потянулась за любимой маминой вазочкой, которая стояла на самой верхней полке. В это время, как на грех, за окном пролетали вороны. Жене, понятно, тотчас захотелось узнать совершенно точно, сколько ворон — семь или восемь. Она открыла рот и стала считать, загибая пальцы, а вазочка полетела вниз и — бац! — раскололась на мелкие кусочки.

— Ты опять что-то разбила! — закричала мама из кухни. — Не мою ли самую любимую вазочку? Тяпа-растяпа!

— Нет, нет, мамочка, я ничего не разбила. Это тебе послышалось! — закричала Женя, а сама поскорее оторвала красный лепесток, бросила его и прошептала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы мамина любимая вазочка сделалась целая!

Не успела она это сказать, как черепки сами собой поползли друг к другу и стали срастаться. Мама прибежала из кухни — глядь, а ее любимая вазочка как ни в чем не бывало стоит на своем месте. Мама на всякий случай погрозила Жене пальцем и послала ее гулять во двор.

Пришла Женя во двор, а там мальчики играют в папанинцев: сидят на старых досках, и в песок воткнута палка.

— Мальчики, мальчики, примите меня поиграть!

— Чего захотела! Не видишь — это Северный полюс? Мы девчонок на Северный полюс не берем.

— Какой же это Северный полюс, когда это одни доски?

— Не доски, а льдины. Уходи, не мешай! У нас как раз сильное сжатие.

— Значит, не принимаете?

— Не принимаем. Уходи!

— И не нужно. Я и без вас на Северном полюсе сейчас буду. Только не на таком, как ваш, а на всамделишном. А вам — кошkin хвост!

Женя отошла в сторонку, под ворота, достала заветный цветик-семицветик, оторвала синий лепесток, кинула и сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы я сейчас же была на Северном полюсе! Не успела она это сказать, как вдруг откуда ни возьмись налетел вихрь, солнце пропало, сделалась страшная ночь, земля закружила под ногами, как волчок. Женя, как была в летнем платьице с голыми ногами, одна-одинешенька оказалась на Северном полюсе, а мороз там сто градусов!

— Ай, мамочка, замерзаю! — закричала Женя и стала плакать, но слезы тут же превратились в сосульки и повисли на носу, как на водосточной трубе. А тем временем из-за льдины вышли семь белых медведей и прямехонько к девочке, один другого страшней: первый — нервный, второй — злой, третий — в берете, четвертый — потертый, пятый — помятый, шестой — рябой, седьмой — самый большой.

Не помня себя от страха, Женя схватила обледеневшими пальчиками цветик-семицветик, вырвала зеленый лепесток, кинула и закричала что есть мочи:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтоб я сейчас же очутилась опять на нашем дворе! И в тот же миг она очутилась опять во дворе.

А мальчики на нее смотрят и смеются:

— Ну и где же твой Северный полюс?

— Я там была.

— Мы не видели. Докажи!

— Смотрите — у меня еще висит сосулька.

— Это не сосулька, а кошkin хвост! Что, взяла?

Женя обиделась и решила больше с мальчишками не водиться, а пошла на другой двор водиться с девочками. Пришла, видит — у девочек разные игрушки. У кого коляска, у кого мячик, у кого прыгалка, у кого трехколесный велосипед, а у одной — большая говорящая кукла в кукольной соломенной шляпке и в кукольных калошках.

Взяла Женю досада. Даже глаза от зависти стали желтые, как у козы.

«Ну, — думает, — я вам сейчас покажу, у кого игрушки!»

Вынула цветик-семицветик, оторвала оранжевый лепесток, кинула и сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы все игрушки, какие есть на свете, были мои! И в тот же миг откуда ни возьмись со всех сторон повалили к Жене игрушки. Первыми, конечно, прибежали куклы, громко хлопая глазами и пища без передышки: «папа-мама», «папа-мама». Женя сначала очень обрадовалась, но кукол оказалось так много, что они сразу заполнили весь двор, переулок, две улицы и половину площади. Невозможно было сделать шагу, чтобы не наступить на куклу.

Вокруг, представляете себе, какой шум могут поднять пять миллионов говорящих кукол? А их было никак не меньше. И то это были только московские куклы. А куклы из Ленинграда, Харькова, Киева, Львова и других советских городов еще не успели добежать и галдели, как попугаи, по всем дорогам Советского Союза. Женя даже слегка испугалась. Но это было только начало.

За куклами сами собой покатились мячики, шарики, самокаты, трехколесные велосипеды, тракторы, автомобили, танки, танкетки, пушки. Прыгалки ползли по земле, как ужи, путаясь под ногами и заставляя нервных кукол пищать еще громче. По воздуху летели миллионы игрушечных самолетов, дирижаблей, планеров. С

неба, как тюльпаны, сыпались ватные парашютисты, повисая на телефонных проводах и деревьях.

Движение в городе остановилось. Постовые милиционеры влезли на фонари и не знали, что им делать.

— Довольно, довольно! — в ужасе закричала Женя, хватаясь за голову.

-Будет! Что вы, что вы! Мне совсем не надо столько игрушек. Я пошутила. Я боюсь...

Но не тут-то было! Игрушки все валили и валили... Уже весь город был завален до самых крыш игрушками. Женя по лестнице — игрушки за ней. Женя на балкон — игрушки за ней. Женя на чердак — игрушки за ней. Женя выскочила на крышу, поскорее оторвала фиолетовый лепесток, кинула и быстро сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы игрушки поскорей убирались обратно в магазины.

И тотчас все игрушки исчезли.

Посмотрела Женя на свой цветик-семицветик и видит, что остался всего один лепесток.

— Вот так штука! Шесть лепестков, оказывается, потратила — и никакого удовольствия. Ну, ничего. Вперед буду умнее. Пошла она на улицу, идет и думает:

«Чего бы мне еще все-таки велеть? Велю — ка я себе, пожалуй, два кило «мишек». Нет, лучше два кило «прозрачных». Или нет... Лучше сделаю так: велю полкило «мишек», полкило «прозрачных», сто граммов халвы, сто граммов орехов и еще, куда ни шло, одну розовую баранку для Павлика.

А что толку? Ну, допустим, все это я велю и съем. И ничего не останется. Нет, велю я себе лучше трехколесный велосипед. Хотя зачем? Ну, покатаюсь, а потом что? Еще, чего доброго, мальчишки отнимут. Пожалуй, и поколотят! Нет. Лучше я себе велю билет в кино или в цирк. Там все-таки весело. А может быть, велеть лучше новые сандалеты? Тоже не хуже цирка. Хотя, по правде сказать, какой толк в новых сандалетах? Можно велеть чего-нибудь еще гораздо лучше. Главное, не надо торопиться».

Рассуждая таким образом, Женя вдруг увидела превосходного мальчика, который сидел на лавочке у ворот. У него были большие синие глаза, веселые, но смиренные. Мальчик был очень симпатичный — сразу видно, что не драчун, и Жене

захотелось с ним познакомиться. Девочка без всякого страха подошла к нему так близко, что в каждом его зрачке очень ясно увидела свое лицо с двумя косичками, разложенными по плечам.

— Мальчик, мальчик, как тебя зовут?

— Витя. А тебя как?

— Женя. Давай играть в салки?

— Не могу. Я хромой.

И Женя увидела его ногу в уродливом башмаке на очень толстой подошве.

— Как жалко! — сказала Женя. — Ты мне очень понравился, и я бы с большим удовольствием побегала с тобой.

— Ты мне тоже очень нравишься, и я бы тоже с большим удовольствием побегал с тобой, но, к сожалению, это невозможно. Ничего не поделаешь. Это на всю жизнь.

— Ах, какие пустяки ты говоришь, мальчик! — воскликнула Женя и вынула из кармана свой заветный цветик-семицветик. — Гляди!

С этими словами девочка бережно оторвала последний, голубой лепесток, на минутку прижала его к глазам, затем разжала пальцы и запела тонким голоском, дрожащим от счастья:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

И в ту же минуту мальчик вскочил со скамьи, стал играть с Женей в салки и бегал так хорошо, что девочка не могла его догнать, как ни старалась.

«Как печатали вашу книгу» Маршак Самуил Яковлевич

Мне говорили много раз
Знакомые ребята:
— Стихи, пожалуйста, для нас
Скорее напечатай!

Я написать стихи готов,
Ребята дорогие,
Но не печатаю стихов —
Печатают другие.

Я был на фабрике такой,
Где вам готовят книжки.
Там в самой первой мастерской
Есть ящики без крышки.
Их люди кассами зовут.
В них буквы разные живут —
Свинцовые,
Литые,
Заглавные,
Простые.

На клетки ящик разделен, —
По букве в каждой клетке,
И запрещает ей закон
Перелезать к соседке.

Наборщик знает, где, какой
Хранится знак печатный,
Берет привычною рукой
И ставит аккуратно.

Строка к строке, строка к строке.
За рядом ряд ложится.
И вот сверкает на доске
Свинцовая страница.

Как полк солдат, в строю стоят
Все буквы, цифры, точки.
И где стоит свинцовый ряд,
Там в книжке будут строчки.

Но утомителен для глаз
Наборный труд старинный.

Пускай работает за нас
Наборная машина.

Она и строчки соберет
И отольет в пластинки.
А ты работаешь, как тот,
Кто пишет на машинке.

Но все же бодро до сих пор
Живет на белом свете
Заслуженный ручной набор,
Проживший пять столетий.

* * *

Сейчас набор пойдет в печать,
В машину ляжет скоро.
Но прежде надо оттиск снять
С готового набора.

По строчкам валиком мазнут
И тиснут отпечаток,
Чтобы увидеть, нет ли тут
Ошибок, опечаток.

Но вот наборщик лист собрал,
Теперь страницы свяжет,
А уж в машине круглый вал
Их свежей краской смажет.

Пошла, пошла машина в ход
Бесшумным шагом скорым.
Бумага белая идет,
Чтоб встретиться с набором.

Выходит комом первый лист,
Но это только проба.
Теперь, печатник-машинист,
Глядеть ты должен в оба, —

Чтобы печать была чиста,
Красива и опрятна,
Чтоб на поверхности листа
Не появились пятна.

С бумагой встретится на миг
Набора лист свинцовый —

И уж страницы наших книг
Оттиснуты, готовы.

Взяла машина лист простой
И наложила краску —
И вот писатель Лев Толстой
Рассказывает сказку.

Хоть у машины нет ума,
Машина знает дело:
Листы нарежет вам сама
И сложит их умело.

А переплетчик их сошьет,
Края обрежет миом.
Потом оденет в переплет,
И вот пред вами — книга!

Теперь нам надо разобрать
Свинцовые страницы:
Ведь буквы могут нам опять
Для книжек пригодиться.

На них лежит дорожный прах
Налет свинцовой пыли.
Они и в горьковских строках,
И в гоголевских были.

Иная буква так умна:
Печатала немало.
И в астрономии она
И в химии бывала!

Когда рассыпанный их строй
Вернется в цех наборный,
Их покрывает толстый слой
Машинной краски черной.

* * *

Приятно книжки почитать.
А сделать их попробуй!
Искусство тонкое — печать
И требует учебы.

Мы знаем славных стариков,
Печатающих книжки,

А рядом с ними у станков
Работают парнишки.

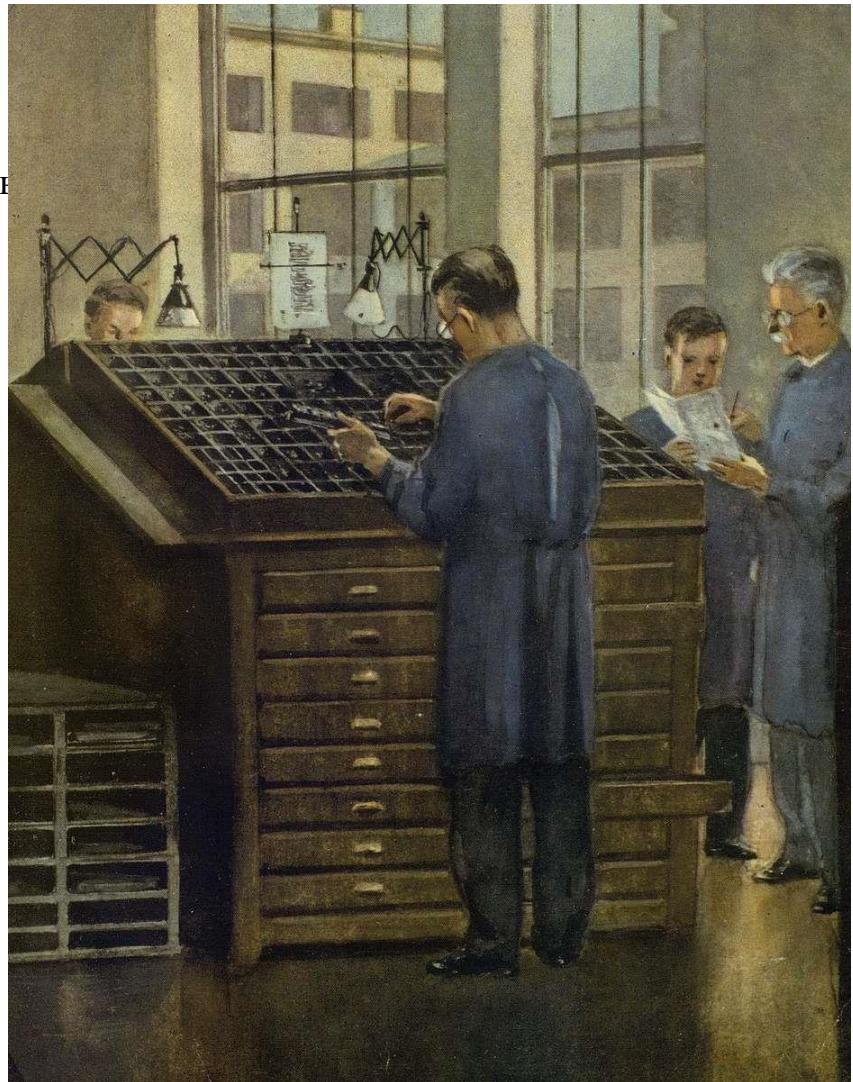
Один хороший паренек
Знаком со мною лично.
Он невелик и невысок,
Но трудится отлично.

Он предан делу всей душой,
И посмотреть приятно,
Как он командует большой
Машиной печатной.

Хоть говорят, что ростом он
Не более аршина, —
Ему послушна, точно слон,
Огромная машина.

Меня печатал он не раз,
И эту книжку тоже
Мы вместе сделали для вас —
Я и Смирнов Сережа.

Работа сложная — печать.
И всем рабочим цеха
Должны мы счастья пожелать
Здоровья и успеха!

«Эта книжечка моя про моря и про маяк» Владимир Маяковский

Разрезая носом воды,
ходят в море пароходы.
Дуют ветры яростные,
гонят лодки парусные,
Вечером,
 а также к ночи,
плавать в море трудно очень
Все покрыто скалами,
скалами немалыми.
Ближе к суше

 еле-еле

даже
 днем обходят мели.
Капитан берет бинокль,
но бинокль помочь не мог.
Капитану так обидно —
даже берега не видно.
Закружит волна кружение,
вот
 и кораблекрушение.

Вдруг —
 обрадован моряк:
загорается маяк.
В самой темени как раз
показался красный глаз.
Поморгал —
 и снова нет,
и опять зажегся свет.
Здесь, мол, тихо —

 все суда
заплывайте вот сюда.
Бьется в стены шторм и вой.
Лестницею винтовой
каждый вечер,
 ближе к ночи,
на маяк идет рабочий.
Наверху фонарище —
яркий,

 как пожарище.

Виден он
 во все моря,
нету ярче фонаря.
Чтобы всем заметаться,

он еще и вертится.

Труд большой рабочему —
простоить всю ночь ему.
Чтобы пламя не погасло,
подливает в лампу масло.
И чистит

исключительное
стекло увеличительное.

Всем показывает свет —
здесь опасно или нет.

Пароходы,
корабли —
запыхтели,
загребли.

Волны,
как теперь ни ухайте, —
все, кто плавал, —
в тихой бухте.

Нет ни волн,
ни вод,
ни грома,

детям сухо,
дети дома.

Кличет книжечка моя:
— Дети,
будьте как маяк!

Всем,
кто ночью плыть не могут,
освещай огнем дорогу.
Чтоб сказать про это вам,
этой книжечки слова
и рисуночек наброски
сделал

дядя
Маяковский.

«Зима недаром злится...» Федор Тютчев

Зима недаром злится,
Прошла ее пора –
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

И все засуетилось,
Все нудит Зиму вон –
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.

Зима еще хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала
Наперекор врагу.

4 неделя марта

«В мире театра»

«В театре» Агния Барто

Когда мне было
Восемь лет,
Я пошла
Смотреть балет.
Мы пошли с подругой Любой.
Мы в театре сняли шубы,
Сняли теплые платки.
Нам в театре, в раздевалке,
Дали в руки номерки.

Наконец-то я в балете!
Я забыла все на свете.
Даже три помножить на три
Я сейчас бы не смогла.
Наконец-то я в театре,
Как я этого ждала.

Я сейчас увижу фею
В белом шарфе и венке.
Я сижу, дышать не смею,
Номерок держу в руке.

Вдруг оркестр грянул в трубы,
Мы с моей подругой Любой
Даже вздрогнули слегка.
Вдруг вижу — нету номерка.

Фея кружится по сцене —
Я на сцену не гляжу.
Я обшарила колени —
Номерка не нахожу.

Может, он
Под столом где-то?
Мне теперь
Не до балета!

Все сильней играют трубы,
Пляшут гости на балу,
А мы с моей подругой Любой
Ищем номер на полу.

Укатился он куда-то...
Я в соседний ряд ползу.

Удивляются ребята:

— Кто там ползает внизу?

По сцене бабочка порхала —

Я не видела ничего:

Я номерок внизу искала

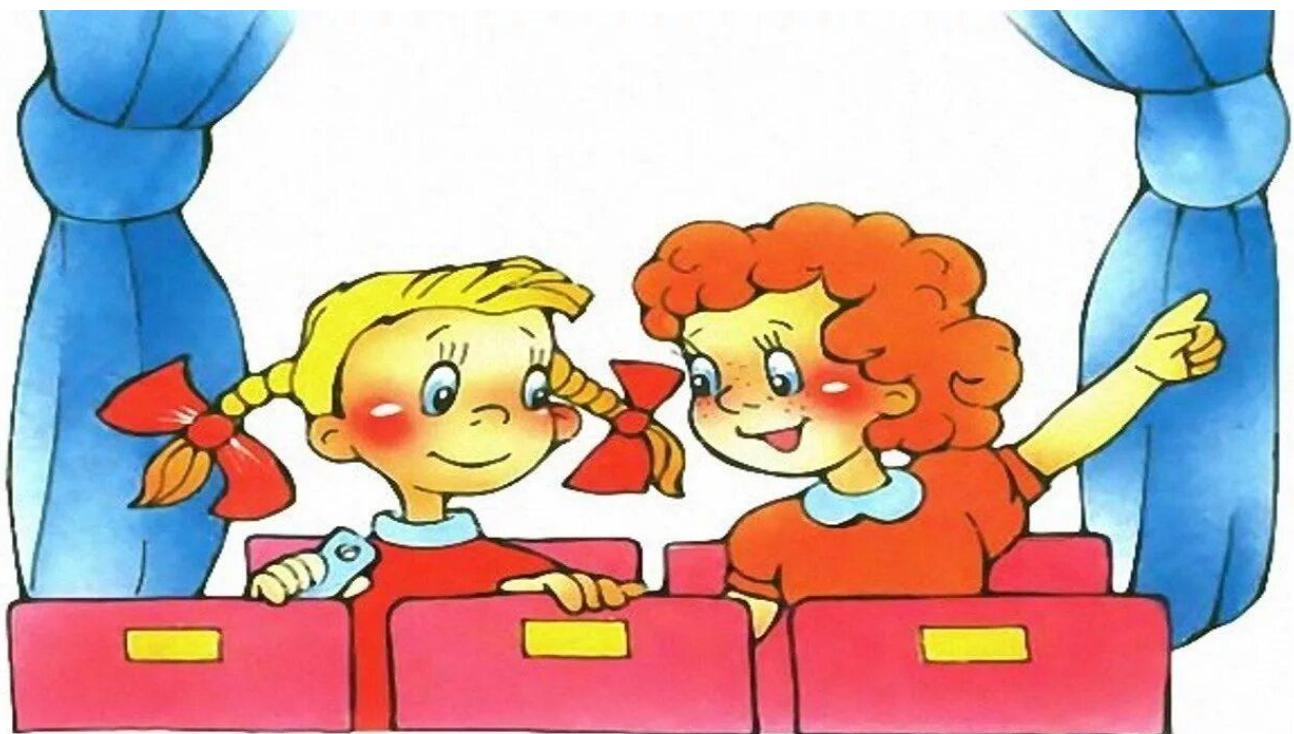
И наконец нашла его.

А тут как раз зажегся свет,

И все ушли из зала.

— Мне очень нравится балет,—

Ребятам я сказала.

«Жонглер» Агния Барто

Сегодня в цирке полный сбор:
Китайский фокусник, жонглер,
Участвует в программе —
Жонгирует шарами.

Он в воздух бросает,
И ловит он сразу
Двенадцать шаров
И китайскую вазу.

Цветные стаканы
Он ставит на блюдо.
И вместе с подносом
Взлетает посуда.

Он в воздух бросает
Любые предметы:
Мячи и ракеты,
Флажки и букеты,
Цветные стаканы и блюдца,

И хлопают все и смеются,
И смотрит из ложи
Сережа Петров.

Нет у Сережи
Стеклянных шаров.
Но дома стаканы
Найдутся.

Теперь он фокусник, жонглер.
Он так и скажет маме.
Он завтра выбежит во двор,
Жонгируя мячами.

Вот он захочет
Выпить чай,
Стакан подбросит
Невзначай,
Потом поймает
На лету
И поднесет его
Ко рту.

«Теперь вы, пожалуйста,
Чайник подбросьте!»—
Попросят его
Восхищенные гости.

И будут расспрашивать
Хором:
«Давно ли
Вы стали жонглером?»

Темно на арене огромной,
Темно и в партере и в ложе,
Ушли и жонглеры и клоуны,
Домой возвратился Сережа.

И вот к столу подходит он,
Стакан бросает смело...
Сережа очень удивлен —
Вдруг что-то зазвенело!

Разбился стакан
И стеклянное блюдце,
Никто же не знал,
Что они разбьются!

Другие бросают
Двенадцать шаров
И даже китайскую вазу.
Но что ни подбросит
Сережа Петров —
Все разбивается сразу.

— Нет,— говорит он,— решено:
Жонглером я не буду! —
Но мама прячет от него
Стеклянную посуду.

«Бусинка в театре» Надежда Форостян

В театре кукол, в тёплой уютной норке, жила мышка Бусинка. Она не пропускала ни одного спектакля и знала по именам всех кукол.

«Вот бы и мне стать артисткой, как эти куклы! — мечтала она. — Только разговаривать и петь я не умею».

Бусинка верила, что широкая разноцветная ширма, из-за которой появлялись артисты, на самом деле не простая, а волшебная.

Ведь как только куклы выглядывали из-за кулис, они сразу оживали. А когда ширму убирали, куклы опускали носы, закрывали глаза и быстро засыпали.

— Если я коснусь этой ширмы, то, может быть, тоже стану петь и разговаривать, как они? — тихонько пискнула мышка, когда кукол снова вынесли на сцену. Но подойти к ширме ближе Бусинка боялась.

Представление начиналось, и мышка заняла привычное место под креслом в первом ряду. Она так заворожённо смотрела спектакль, что даже не дёргала усиками.

Однажды во время репетиции мышка всё же решилась подойти к волшебной ширме поближе... Вдруг оттуда выглянули чьи-то остренькие рыжие ушки.

— Либо лиса, либо кошка, — испуганно пропищала мышка и бросилась в укрытие. — Когда ночью куклы уснут, я непременно коснусь этой ширмы...

Как только стемнело, мышка выбежала из норки. Ширмы на прежнем месте не было, и Бусинка поспешила к большому кукольному дому. Внутри стояли коробки с реквизитом, словно высокие башни, а рядом в маленьких кроватках спали куклы-артисты. Мышка подошла к ним ближе, чтобы рассмотреть их получше.

Царевна Несмеляна, сняв корону, дремала в ночной рубашке, расшитой тонким кружевом. Даже во сне уголки её губ сползали вниз, и царевна выглядела очень печальной.

В другой кроватке громко храпел озорной Петрушка в красной рубахе, холщовых штанах и колпаке с кисточкой. ‘

— Он даже не переоделся в пижаму! — неодобрительно пропищала Бусинка.

По соседству с ним, не снимая потертого седла, спала лошадь с рыжей гривой. Плечом к плечу, стоя в строю, посапывали носами усатые солдаты. А далеко в углу сидел злой волшебник.

— Наверное, он провинился, и его посадили в угол, — тихо пискнула Бусинка.

Вдруг волшебник открыл глаза и посмотрел прямо на мышку! Какие же чёрные и страшные были у него глаза!

— Ой-ой, сейчас он превратит меня в жабу, — пропищала мышка и зажмурилась, но злой волшебник не заметил её в темноте и снова заснул.

Но Бусинка всё же спряталась в шкаф. Мышка огляделась. Сколько там было кукольных нарядов! Она тотчас начала примерять блестящие платья, украшенные яркими перьями, вязаные

жилетки, причудливые шляпки, кожаные ботинки. Многие вещи были ей велики, и она закутывалась в них, словно в одеяло. Но некоторые пришлись как раз впору.

Бусинка танцевала и разыгрывала знакомые роли, которые уже успела выучить в театре. Она помнила все-все реплики, каждое слово, но могла лишь звонко пищать — мышка ведь не умела разговаривать, как люди...

— Ля-ля-ля, — стоя на одной лапке, пела Бусинка, но у неё выходило лишь звонкое «пи-пи-пи».

И мышке стало очень грустно. Бусинка знала, что если она так и не научится говорить, то её мечта никогда не исполнится. Надо поскорее отыскать эту волшебную ширму!

Она выбежала из шкафа, прошмыгнула мимо кроваток, выбежала в коридор и... очутилась в какой-то необычной комнате. Мышка никогда не была здесь раньше. Бусинка огляделась и увидела огромные швейные машины с большими колёсами, пёстрые нитки, гипсовые и деревянные фигуры, лоскутки тканей, подушки с иголками, похожие на ежей.

«Это же мастерская, и здесь шьют кукол!» — догадалась умная мышка.

В музее Бусинка уже видела старинных и ветхих кукол, которые когда-то играли на сцене. «Старички» старались держаться очень бодро и широко улыбались детям, приходящим сюда на экскурсию. Мышка заглянула в буфет — она частенько заходила сюда и лакомилась хрустящими крошками от румяных булочек, щедро политых розовой глазурью и посыпанных дроблёнными орешками. Но ширмы здесь тоже не оказалось.

«Наверное, она появляется и исчезает сама по себе: тогда, когда это нужно», — решила Бусинка и грустно побрела обратно в норку.

Проходя по коридору, она ещё раз заглянула в кукольный дом и чуть не запищала от ужаса! Остренькие рыжие ушки торчали прямо из-за коробки с реквизитом! Мышка понеслась без оглядки подальше от этой коробки. Ей казалось, что рыжие ушки вот-вот догонят её.

От страха Бусинка забилась в свою норку. Но кругом стояла тишина. Ночь занавесила домик мышки тёмными шторками, и вскоре Бусинка мирно уснула. Во сне она видела себя артисткой в золотом сверкающем платье, красных туфельках и с короной на голове. Бусинка танцевала и пела во сне звонким голосом.

Утром её разбудили громкие голоса.

— Скоро премьера спектакля, а у нас до сих пор нет главной артистки на роль мышки. Когда она появится? — спросил первый голос.

— Мастер-кукольник заболел, он не успеет её сшить, — тяжело вздохнул второй голос. — Придётся отменять представление.

— Это же мой первый спектакль! Я так его ждала! — неожиданно всхлипнул детский голос.

Это плакала девочка Нина. Она мечтала стать актёром-кукловодом. Нина уже давно ходила в театральный кружок и хотела сыграть в настоящем спектакле. Но, похоже, долгожданное представление придётся отложить!

Нина села на стул и стала повторять роль. Она пела таким грустным голосом! И это был тот самый голос, который мышка слышала в своём сне!

Бусинка долго не решалась выйти к девочке, но наконец она выбежала из норки и начала танцевать.

— А вот и артистка нашлась, — радостно воскликнула Нина, подошла к мышке и бережно взяла её на руки.

Глаза девочки и мышки светились от счастья.

— Все сюда! — закричала девочка. — Спектакль будет! Каждый день с утра до вечера Нина и Бусинка репетировали своё выступление. Мышка забыла даже про волшебную ширму, ведь теперь у неё появилась подруга.

Наконец настал день премьеры. В театре был аншлаг: все билеты на спектакль были распроданы.

А для мышки специально смастерили тумбу-сцену с маленькой ширмой.

Режиссёр сильно волновался — ведь ещё ни разу в жизни он не ставил спектакль, в котором играли ребёнок и настоящая живая мышь!

— А что, если представление сорвётся? — переживал он. — Вдруг мышка не станет танцевать, а у девочки от волнения пропадёт голос?

Но, взглянув на полный зал детей, режиссёр понял: отменять выступление поздно. Раздался третий звонок, и спектакль начался.

Мышка вышла на сцену в золотом сверкающем платье, в красных туфельках и с короной на голове. Она запела звонким голоском! Голосом лучшей подруги на свете. Всё было как в её сне! А из-за ширмы выглядывали куклы и подпевали Бусинке в ответ.

Когда спектакль закончился, зрители ещё долго аплодировали артистам. До этого никто ни разу не видел на сцене настоящую мышь-артистку!

Довольный режиссёр похвалил Нину, а Бусинке на ушко шепнул:

— У тебя такая выразительная мимика! Все подумали, что ты сама пела!

Маленькая артистка забралась на руки к девочке и уткнулась носиком в её тёплую ладонь. Нина и Бусинка были счастливы.

А спектакль шёл с осени до самого лета, и зал всегда был полон зрителей — всем очень нравилось выступление маленькой мышки-артистки!

